

Научные связи Антиоха Кантемира с Санкт-Петербургской Академией наук

Виктор Цвиркун

Несмотря на растущий интерес исследователей к семейству Кантемиров¹, в биографиях отдельных представителей этой фамилии есть ещё множество малоизученных страниц. К их числу относится история научных связей младшего сына молдавского господаря Димитрия Кантемира – Антиоха. Обнаруженные в недавнее время архивные материалы позволяют существенно уточнить наши знания по этому сюжету.

Переселившийся в Россию в 1711 г. молдавский князь Антиох Кантемир в 1722 г. по распоряжению Петра I был зачислен рядовым в гвардии Преображенский полк. Не получив положительного ответа от монарха на свое прошение о разрешении выезда за границу для обучения наукам², он записался в ноябре 1725 г. слушателем университета при Академии наук, где в 1726–1727 гг. изучал философию под руководством профессора Христиана-Фридриха Гросса³, математику – у профессора Фридриха Христофа Майера и братьев Даниэля и Николауса Бернулли. Курс физики ему читал Георг Булфингер, а историю Готлиб Байер⁴. Природные способности и страсть к знаниям выдвинули Антиоха в число наиболее успешных учеников академического университета.

Учёбу Кантемир должен был сочетать с военной службой. Так, когда Двор Петра II отправился 9 января 1728 г. из Санкт-Петербурга на коронацию в Москву, вместе с ним в первопрестольную столицу выехали и гвардейские полки. Дневниковые записи А. Кантемира этого периода свидетельствуют о его военной службе при императорском дворе, участии в дневных дежурствах и ночных караулах при покоях монарха⁵. Служебная карьера князя Кантемира развивалась успешно. 2 февраля 1728 г. он был пожалован из капралов в офицеры, 25 февраля, в день венчания на царство Петра II, произведён в подпоручики гвардии, а 14 июля 1728 г. – в поручики⁶. Ежедневные обязанности гвардейского офицера не охладили страсти молодого человека к науке. В свободное от

© 2013 г. В.И. Цвиркун

¹ *Dinastia Cantemireștelor. Secolele XVII–XVIII. Chișinău, 2008; Lemny Ș. Cantemireștii. Aventura europeană a unei familii princiare din secolul al XVIII. Esanu A., Eșanu V. Moștenirea Culturală a Cantemireștilor. Chișinău, 2010; Цвиркун В.И. Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010.*

² *Bobâcă G. Antioh Cantemir. Poet, gânditor și om politic. Chișinău, 2006. P. 35.*

³ На протяжении последующих десятилетий А. Кантемира связывали с Х.Ф. Гроссом не только научные, но и чисто человеческие отношения. Одним из их проявлений стал факт зачисления в качестве секретаря в состав дипломатической миссии А. Кантемира, первоначально в Англию, а затем во Францию, племянника Х.Ф. Гросса.

⁴ *Grasshoff H. A.D. Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966. S. 30; Bobâcă G. Op. cit. P. 40–41.*

⁵ *Кантемир А.Д. Заметки кн. Кантемира в его календаре 1728 г. // он же. Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 2. СПб., 1868. С. 344–349.*

⁶ Рукописный отдел Библиотеки Академии наук, ф. 61, оп. 1, ч. 1, д. 403, л. 2, 4, 18.

службы время он брал частные уроки по астрономии и рисованию⁷. Увлечённость этими занятиями привела к самостоятельным упражнениям и наблюдениям. Страницы его персонального календаря украшены многочисленными карандашными набросками людей и животных, изображением частичного затмения Луны⁸.

Находясь вдали от университета, Кантемир поддерживал тесную связь с академическими профессорами, получал книги из Санкт-Петербурга, активно переписывался с Х.Ф. Гроссом, И.И. Ильинским⁹ и О.В. Кассано (А. Кантемир именовал его Кассис)¹⁰. Особого внимания заслуживает переписка Кантемира с библиотекарем Академии И. Д. Шумахером¹¹, которому после того, как в начале 1728 г. императорский двор, а вместе с ним лейб-медик и первый президент Академии Л. Блюментрост переехали в Москву, «было передано практически все полномочие и полное управление Академией наук»¹². В течение 1728–1731 гг. Кантемир писал Шумахеру довольно часто¹³. Через него кн. Антиох получал информацию о деятельности Академии и приобретал новые книги, изданные ею. «Во-первых, должности моей признаю благодарить вас за присланную ко мне новоизданную в Академии нашей книгу; она может быть мене лучше научит сколько я вам имею быть обязан, – писал Кантемир Шумахеру 14 марта 1728 г. – Ежели в чем услуга моя вам может угодна быть, прошу прикажи, а я по своей возможности буду стараться, чтоб любовь вашу, которую доселе не заслужил, впредь правильно заслужить мог. То же прошу вас, чтоб мене всегда имели в любви своей и почтили бы мене своими письмами, мне дражайшими. С моей же стороны, так полезная корреспонденция николи не будет отставлена, но наипаче стану прилежать»¹⁴. Другой темой переписки с Шумахером было намерение Кантемира издать в академической типографии фундаментальный труд своего отца «История возвышения и упадка Османской Империи». Этот сюжет, характеризующий уровень и содержание связей Антиоха Кантемира с администрацией Академии, является абсолютно не изученным.

«История возвышения и падения Оттоманской Порты», написанная Д. Кантемиром в 1716–1718 гг., познакомила читателей с политической, социальной и культурной историей Османской империи и фактически стала основой её научного изучения. Впервые в Европе появилась книга по истории одной из крупнейших мировых держав XVIII столетия, знания о которой были скудны и отрывочны, больше напоминая собой собрание всевозможных мифов и легенд, составленная человеком, прожившим там более двадцати лет и в совершенстве знавшим язык, традиции и обычаи. Можно предположить, что данная работа

⁷ Там же, л. 14.

⁸ Там же, л. 8–19.

⁹ Иван Иванович Ильинский-Ярославец (ум. в 1737 г.) – секретарь и переводчик кн. Д. Кантемира, домашний учитель его детей. После смерти Д. Кантемира служил в Коллегии иностранных дел.

¹⁰ Д.Н. Бантыш-Каменский характеризовал о. Варфоломея Кассано следующим образом: «Блистательно образованный человек, говорил по-английски как природный англичанин, знал французский и латинский языки, впоследствии служил священником при русском посольстве в Лондоне в бытность там послом А. Кантемира» (*Бантыш-Каменский Д.Н. Князь Антиох Дмитриевич Кантемир // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 3. № 8. Кн. 2. С. 481*).

¹¹ Иоганн Даниил Шумахер (1690–1761), библиотекарь Санкт-Петербургской Академии наук, фактически возглавлял её администрацию (*Русский биографический словарь. Т. Шебанов-Шютц. М., 1999. С. 534–536*).

¹² *Леонов В.П. Судьба библиотеки в России. СПб., 2001. С. 136.*

¹³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 3, оп. 1, кн. 5, л. 620–624; ф. 121, оп. 1, д. 74.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 568, д. 23, л. 1.

была выполнена по личному пожеланию Петра I. В пользу этого свидетельствует распоряжение российского монарха, переданное в 1719 г. переводчику Коллегии иностранных дел Дмитрию Грозину о скорейшем переводе «Истории Оттоманской Порты» с латинского на русский язык. В том же году «перевод истории был совершен и вручен его царскому пресветлому величеству»¹⁵. На протяжении ряда лет рукопись этого произведения в многочисленных копиях распространялась и изучалась среди профессоров, членов Санкт-Петербургской Академии¹⁶.

В конце 1728 – начале 1729 г. Антиох Кантемир в переписке с Шумахером и Байером приступил к обсуждению мысли об издании в России работы своего отца. «Чрез господина Ильинского уведомлен я, что вы по своей ко мне благосклонности изволили послать мне один экземпляр *Comentiorum Academiae*, за который, хотя еще не получил, покорно благодарствую, довольствуюся вашим добрым мнением, – писал Кантемир библиотекарю Академии 24 февраля 1729 г. – Не знаю я, чем бы мог все то отслужить, а то бы всеми мерами потщился бы показать себе благодарным. Также же за долг свой признаю всеусердно благодарить вас за старание ваше в издании книги, сочиненной трудами отца нашего блаженные памяти». «Книга эта, – характеризовал кн. Антиох сочинение своего отца, – хотя невеликой может быть мудрости, однако, понеже отдаленных от нас стран историю содержащая, не некуриозна есть. Надеюсь, что охотно всяк ее имети пожелает. И понеже по вашему же приказу с господином Плумендростом (Л. Блюментростом. – В.Ц.) об ней я вчера говорил и его к тому весьма склонна уразумел, чаю, уже толко осталось, чтоб оную книгу вам от Ильинского принять на свои руки». В том же письме обсуждались и технические детали предполагаемого издания: «Но к тому же еще две вещи нужны. Первое, лишается она дедикации¹⁷, которую понеже сочинить надлежит искусно, мню, прилично быть, чтоб г[оспо]дин Баер в том потрудился (о чем я его просить буду), надлежит же ее приписать государю. Второе, всяк человек (кроме папы) будучи повинен прегрешению, думаю, что не нет и в сем сочинении несовершенств, которые ученому свету показать непригоже, в иных же местах или имен никаких нет, или время, в котором что делалось, неозначено. Для того того же г[оспо]дина Баера просить стану (ведая его во всем, что древности и ориентальной истории касается преискусна), чтоб по своей любви труд приложил ее всю прочесть и, где что худо, исправить, где неполно, добавить и, имея во всем полную власть, привести ее в совершенство. Приложив, ежели угодно будет, ноты какие, или означения, примечания, индексы и прочая, что нужно покажется. В протчем же все на вашу полагаем волю и разсуждение. Величине, бумаги, пригожество литер и качество украшений на ваше оставляется благоразумее. И понеже для лучшего совершенства не худо приложить и персоны султанов, которых история описана (коли те не годятся за свою грубость, которые у нас имеются доски), можете, взяв персоны тех оригинал в Царьграде рисованной, и с них приказать академическому мастеру вновь вырезать. Оригинал тот имеется у Ильинского, и можете у него его взять. Не знаю, нужно ли ее подать рукописную Его Величеству или кака выйдет из печати: о том от вас стану ожидать уведомления. Сим всем обяжете

¹⁵ Цвиркун В.И. Указ. соч. С. 77.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Речь идёт о посвящении книги памяти Петра Великого или царствующему монарху, Петру II.

всю нашу фамилию, а наипаче мене. Для памяти автора просил бы я, чтоб в начале книги приложить и портрет его, который тот же мастер с копии, которая в Петербурке у нас имеется и весьма первообразно ему подобна, легко вырезана быть может»¹⁸.

Помимо Шумахера и Байера к подготовке публикации Академией труда Д. Кантемира Антиох привлёк своего учителя и друга профессора Гросса. «Просимые Вами сведения о биографии князя Кантемира будут отправлены к Вам, как то обещал мне князь наш Антиох, – писал Гросс Байеру. – Князь Антиох готов отправить через господина Ильинского портрет своего отца, который ныне находится в Санкт-Петербурге. Князь желает, чтобы этот портрет был гравирован на меди и помещен перед текстом “Истории Оттоманской”. Они готовы содействовать всем необходимым для его изготовления. Господин Ильинский обязался передать Академии двенадцать медных досок, на которых были гравированы под наблюдением Д. Кантемира портреты турецких султанов. Помимо этого мне сообщили о наличии медной доски, хранящейся в типографии Синода, на которой по рисунку покойного молдавского князя выгравирован город Стамбул»¹⁹.

Таким образом идея издания «Истории возвышения и упадка Османской империи» была одобрена и поддержана научными авторитетами Санкт-Петербургской Академии наук. Фактически был запущен процесс подготовки рукописи к печати. Однако ей не суждено было увидеть свет в России. Нам неизвестны причины, препятствовавшие осуществлению этого замысла. Ими могли стать смена власти и политические потрясения начала 1730-х гг., бюрократические проволочки или же последовавший вскоре отъезд князя Антиоха в дипломатическую миссию. Известно, что все соображения относительно публикации труда Д. Кантемира, высказанные в письме Антиоха Шумахеру, были реализованы в его английском издании 1734–1735 гг.

Отъезд в начале 1732 г. А. Кантемира в дипломатическую миссию в качестве полномочного министра отнюдь не прекратил его связей и сотрудничества с Санкт-Петербургской Академией. Благодаря его содействию и заботам в Россию на службу прибывали известные европейские учёные. Так, по ходатайству Кантемира в 1733 г. действительным членом Академии стал английский ботаник И. Амман, который в том же году переехал в Санкт-Петербург. С его именем связано начало развития в России ботаники и организация при Академии ботанического огорода и гербария²⁰. Другим английским учёным, получившим в 1734 г. из рук Кантемира диплом действительного члена Санкт-Петербургской Академии наук, стал президент Лондонского Королевского научного общества Ганс Слоан²¹. «Я крайне признателен и готов сделать всё, что могу, для содействия славным задачам учреждения, членом которого имею честь состоять», – писал Слоан Амману²².

¹⁸ ОР РНБ, ф. 568, кн. 5, л. 1 об.–2 об.

¹⁹ Grasshoff H. A.D. Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966. S. 270.

²⁰ Радовский М.И. У истоков англо-русских научных связей // Исторический архив. 1956. № 3. С. 148.

²¹ Ганс Слоан (Слоун) (1660–1753) – английский медик, натуралист, коллекционер, в 1727–1741 гг. президент Лондонского королевского общества, сменивший на этом посту Исаака Ньютона. Коллекция книг, манускриптов, исторических находок Г. Слоана легла в основу Британского музея.

²² Цит. по: Леонов В.П. Указ. соч. С. 121.

Через Кантемира осуществлялся обмен научными новостями и книжными новинками. Из российской Академии на его имя высылались «для отсылки в Королевское научное общество, во Французскую королевскую библиотеку, а также иностранным академикам, изданные в Санкт-Петербурге книги и эстампы»²³. В частности, Кантемир просил члена Санкт-Петербургской Академии А.К. Нартова прислать «Комментарии Академические, следующие после VIII тома, Механика Эйлера, все в большой александрийской бумаге и два экземпляра моего переводу о множестве миров»²⁴. «Ежели сверх того какие новые в Академии изданы, – писал кн. Антиох, – пересылкою оных я много вам буду обязан к взаимным услугам»²⁵. Из Лондона и Парижа в Санкт-Петербург с дипломатической почтой отправлялись ящики с научными трудами по философии, математике, астрономии, медицине, географические карты и атласы, приборы для физических опытов и астрономических наблюдений²⁶. Среди посланных в Академию книг значится и вышедшая в Париже в 1743 г. работа Д. Кантемира. «Присланная из Франции книга блаженной памяти родителя вашего сиятельства, содержащая в себе описание Оттоманской империи на французском языке, – сообщал Кантемиру Нартов, – чрез здешнего профессора Делиля в Академии наук получена, за которую вашему сиятельству при посылке книг комментариями здешняго академического издания услужить потщуся»²⁷.

Тесные научные связи и сотрудничество А. Кантемира с Санкт-Петербургской Академией, продолжавшиеся на протяжении нескольких десятилетий, его высокий авторитет как дипломата, философа и поэта в европейских научных и литературных кругах выдвинули его в начале 1740-х гг. в ряды наиболее вероятных и достойных кандидатов на вакантный пост президента Академии наук²⁸. Однако обострившаяся болезнь и последовавшая смерть великого мыслителя не позволили этому сбыться.

²³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 3, оп. 1, д. 72, л. 94.

²⁴ Имеется в виду перевод А. Кантемира книги Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», изданной в Санкт-Петербурге в 1740 г.

²⁵ РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, д. 649, л. 3–3 об.

²⁶ Цвиркун В.К., Коровин В.Л. Кантемир Антиох Дмитриевич // Большая Российская энциклопедия. Т. 12. М., 2008. С. 749–750.

²⁷ РГАЛИ, ф. 46, оп. 2, д. 649, л. 3 об.

²⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Энциклопедия знаменитых россиян. М., 2008. С. 295.

Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.)

Людмила Артамонова

Развитие светского образования, начавшееся в России при Петре I, до школьной реформы Екатерины II шло преимущественно по пути создания учебных заведений, нацеленных на скорейшую подготовку необходимых для государства специалистов. Из-за отсутствия общеобразовательной школы эти заведения вынуждены были брать на себя её функции. В шляхетских корпусах,